

Евгений Андреевич Балакин

направила, потому что танк ведь создан наукой, а наука ведь сделана для того, чтобы людям лучше жилось. Это абсолютно другое отношение к самым грубым вещам, не такое, как где бы то ни было еще. Поэтому мы, конечно, связаны с пространством, с землей, но здесь всегда есть священное измерение. Я хотел бы вернуться к началу. В начале мы поставили проблему, сперва произнесли похвалу собору, а потом поставили вопрос. Можем ли мы здесь достичь каких-то общих, единых оснований? И я не знаю, честно сказать. Хорошо, что мы пытаемся, но для меня было важно осветить, почему это так сложно. Вот если мы поймем, почему это так сложно, мы окажемся в гораздо более выигрышной позиции, и если авторам, руководителям, организаторам этого собора это удастся, низкий земной поклон.

Доклад 6. Вопросы об основании русской идеи

Эдуард Владиславович Бояков

Продюсер, театральный режиссёр, театральный педагог и общественный деятель. Создатель фестивалей «Золотая Маска», «Новая драма», «Традиция».

Говорить о русской идее, по моему мнению, можно и нужно. Попытавшись связать воедино несколько измерений говорения, несколько предметов, факторов, которые будут действительно работать только тогда, когда мы признаем единый и неделимый характер взаимодействия этих факторов.

Идея – это не просто некая декларация, не просто текст, не просто слова. Слова и идея различаются приблизительно так же, как литература и логос. Мы привыкли говорить о логоцентричности нашей культуры, но мы все понимаем разницу между логосом и литературой. Логос – более широкое, глубокое, многогранное измерение. Об этом хочется сказать. Мое представление об идее связано с тем, что мы должны обеспечить матрицу, найти некий образ, характеристики, которые свойственны этой идее в ее многообразии. Я вижу четыре измерения.

Мне кажется, разговор о русской идее можно и нужно вести, отталкиваясь от символики четырех измерений, или Креста. Это достаточно близко к философии Кена Уилбера, американского современного философа, который лет тридцать назад сформулировал принципы интегральной философии, и мне кажется, матрица вот этих четырех квадратов, четырех областей хорошо нам ясна. Нам всем очень легко представить абсциссу и координаты, то есть это модель не обязательно религиозного православного Креста, достаточно представить, как мы в геометрии, в алгебре, в математике обозначаем двухосевую модель, где одна ось идет вверх, а другая идет в сторону. Соответственно, есть пространство минуса, это левая сторона, есть пространство вертикального верха, есть пространство движения вправо. Давайте попробуем вот от этой символики оттолкнуться, от этой методологии «уилберовской». А может быть, кому-то и не стоит даже обращать внимание на методоло-

гию этого американского философа – она достаточно универсальна, по моему мнению, и, мне кажется, каждый человек мыслящий способен эти четыре плоскости обнаружить.

Какие это плоскости? Во-первых, это плоскость сокровенного религиозного сознания, плоскость индивидуальной внутренней духовной работы. Я говорю, что эти четыре плоскости как раз характеризуются тем, что, с одной стороны, они должны быть объединены в одно целое, но, с другой стороны, они достаточно самостоятельны. Нельзя говорить о религиозном откровении в терминах физики, так же как и наоборот, мы не поймем формулы какого-то химического соединения, если мы будем отталкиваться от практики православных монахов. И никакой компьютер не сможет выдать нам формулу гениального стихотворения. Все современные разговоры об искусственном интеллекте у меня лично вызывают иронию и сарказм, потому что когда искусственный интеллект сможет хотя бы среднее по литературному уровню стихотворение сочинить, тогда да, а пока он может сочинить просто какую-то имитацию, которую любой филолог быстро распознает. То есть это третье измерение. Есть четыре измерения:

1. Религиозное.
2. Антропологическое.
3. Культурологическое.
4. Социологическое.

Эти измерения – они отдельные. Ошибки и неудачи, которые совершают люди, которые обуреваемы некоей идеей, которые захвачены некоей идеей, заключаются как раз в том, что эта идея не работает, потому что она слишком связана с одним из этих четырех пространств, с одной из четырех линий. Она либо исключительно религиозная – не учитывает антропологический характер, либо она культурологическая. Культурная идея Золотого века русской культуры, идея Дягилева или русских великих писателей Серебряного века объявляется русской идеей. Мы начинаем знакомиться с этим аспектом, входим в эту область изучения Серебряного века, в область изучения какого-то культурологического аспекта и видим, что мы имеем дело с людьми, которые пишут великие произведения, но их жизни переполнены предательством друг друга, блудом, нарушением этических заповедей. А нужны нам такие носители этой Идеи?

Человек, который формулирует гениальную идею и при этом вырывает своего ребенка или нарушает очевидные какие-то законы, совершает некрасивые поступки. Это нормально? Мы можем об этом говорить? Нет, не получается.

Социологический аспект, четвертый, когда политические заявления, доктрины и так далее оказываются чем-то очень важным и что не учитывает уже сферу, допустим, культурного и так далее. Поэтому всё, о чем я сегодня хочу говорить, это необходимость соединения всех этих четырех факторов.

Представим крест, ставим крест и нарисуем на конце этого креста на самом верху какой-то знак или просто напишем «религия». Внизу напишем на вертикальной линии «антропология». Возьмем еще один какой-то отрезок и нарисуем теперь крест. Справа на горизонтальном отрезке напишем «культура», а слева напишем «социум». Вот эта матрица. Оставаясь верными этой матрице, мы можем уже поговорить о смыслах, об идеях, которые могут оказаться русскими. Одна эта большая идея, в моем представлении, именно соединение вот этих четырех фактов. Тогда что-то получится.

Когда я слышу разговоры или доклад очень умного философа о каком-то мистическом аспекте монашеской, исихастской практики, мне очень интересно. Но как эта исихастская практика может быть экстраполирована в пространстве русском, в пространстве русского логоса, в пространстве русской жизни? Нет ответа. Кто молится, кто внутри этой практики? Нет ответа. Как эта исихастская молитва может быть донесена до народа? Мы должны в школьную программу включить курс об исихазме? Выглядит очень радикально, выглядит очень странно и романтически, но практически понятно, что это невозможно. Но о чем тогда мы говорим?

Россия, русская идея – это миллионы людей, которые живут у нас. Русская идея должна касаться миллионов школьников. Русская идея должна быть понятна и принимаема миллионами студентов, а не каким-то кружочком людей, которые занимаются чем-то отдельно. Это, мне кажется, очень важно. Я для себя вижу некую цельность, что все начинает складываться, и мы теряем эти недостатки, когда мы приобретаем ценность, когда мы начинаем мыслить о жизни, учитывая вот эти четыре измерения. При том, что у Уилбера все четверти, если рисовать, поделены по зонам. В моем представлении правая верхняя относится к антропологии, левая верхняя область – к религии. Левая нижняя область – культура и, наконец, правая нижняя область – социум. Соответственно, две верхние области – это уровень индивидуального, а две нижние области – это уровень коллективного. Вся левая часть в моем случае – это область внутреннего. А вся правая часть – область внешнего.

Вот в этой многогранности, вот в этих четырех секторах мы можем русскую идею обнаружить, когда мы сможем это все объединить: ин-

дидуальное, коллективное, внутреннее, внешнее. Индивидуальное и внутреннее – это религия, Христос здесь, но здесь и Фрейд. Эйнштейн в области индивидуального, но внешнего. Эйнштейн в том пространстве, которое можно посчитать, физика здесь, градусник здесь:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – говорит человек, который сейчас находится в области индивидуального внутреннего.

– Хорошо, радостно, – говорит человек, который здесь.

– Как ты себя чувствуешь? – мы спрашиваем у этого же человека, и он, оказавшись в пространстве индивидуального внешнего, нам отвечает:

– Хорошо, у меня увеличилось количество эндорфинов. У меня хорошие медицинские показатели. У меня нормальное давление. У меня правильная температура. У меня радостная картина анализа крови.

Это то, что можно посчитать. Откровение религиозное нельзя посчитать. Здесь нет шкалы Кельвина, Цельсия или еще кого-то.

– Как ты себя чувствуешь? – спросим мы у этого пространства, которое уже характеризуется тем, что человек имеет отношение к общности, тем, что человек познается только в процессе соотношения с другими людьми. Здесь семья, здесь община, здесь партия, здесь государство и так далее.

У Уилбера еще есть такие векторы, где идет развитие от маленьких показателей к большим. Коллективное бессознательное, культура, Юнг, Чайковский – они вот здесь, они в культурном измерении. Ни исихазма здесь нет, ни каких-то медицинских или алгебраических формул. Все попытки описать музыку через математику уместны только тогда, когда мы уже говорим о наличии некоего гениального произведения. Вот описывать и анализировать секвенции Баха мы, конечно, можем, используя математические модели. Но понять, но смоделировать эту секвенцию мы не сможем, потому что здесь работают другие факторы – коллективные внутренние. Это область культуры. Область внутреннего и коллективного. Вот матрица, о которой я хотел бы сказать и которую хотел бы предложить. Я бы советовал пропускать и анализировать состоятельность всех озвученных на Большом Философском Соборе идей в этих четырех пространствах. Сейчас скажу чуть подробнее о каждом из четырех секторов.

Сама русская идея, безусловно, связана с русским православным сознанием. Невозможно русскую идею оторвать от православия, поэтому русская идея – это идея Святой Руси, можно так сказать. Это очень просто, и, может быть, не надо ничего искать. В общем-то, в течение последних семи-восьми веков на этот счет сказано немало.

Сегодня, кстати, день памяти в церковном календаре Паисия Величковского, святого, который сделал очень много для религиозного сознания, святого, который фактически перевел «Добролюбие», принес в русский язык эти тексты уже не в греческом измерении, а в нашем, русском. Все это связано с Молдавией, с юго-западом Русской империи, но именно от него шли волны, которые уже от его активного продвижения добрались до нас. Это все как бы Новая волна. То есть понятно, что практики северных монастырей и так далее были раньше, до Паисия Величковского, который занимался этим вопросом в XVIII веке. Однако то, что он принес в изучение исихазма, это очень много. Умное делание, исихазм, добролюбие, монашеская практика, монастырь как место удивительного, сокровенного, понимания полноты и цельности жизни, как одновременно и объект и субъект этой самой русской идеи. Мне кажется, мы должны об этом подумать очень серьезно и осознать, что русская идея не может существовать без корневой связи с православной молитвой, с умным деланием. Я как раз подчеркиваю сейчас интимный, мистический и индивидуальный характер религиозной практики. Я говорю не о церкви. Я говорю не о социальных каких-то измерениях. Поэтому я говорю о монашестве: о личном выборе, о практике, которую человек выбирает и связывает свою личную судьбу, работу с собой, со своим сознанием в пространстве поиска диалога с Богом, и он сам становится вот этим мистическим субъектом – если говорить о пространстве религиозной практики.

Антропологическое измерение, второе. Русская идея должна учитывать физику, должна учитывать физиологию, должна учитывать антропологию. Учитывать то, что русский человек – особенный человек, особенной силы, особенной химии, особенной физиологии. Вся эта особенность понятна и доказана и спортивными нашими достижениями, и самой нашей историей.

Все, что сегодня происходит на Западе, все, что сегодня происходит в пространстве постмодернистского, разрушающего человека, человеческую цельность, основания, это предмет для того, чтобы через него эти явления осмыслить в антропологическом аспекте. Мы действительно теряем антропологические основы, мы перестаем относиться к человеку как к организму, начинаем очень много прощать современному человеку. Все наши разговоры о режиме, о календаре, о посте, который сегодня, кстати, начинается. Сегодня первый день Рождественского поста, разговоры о физическом развитии, о силе, о воспитании ребенка. О том, сколько раз должен подтянуться пятнадцатилетний мальчик, какие физические нагрузки должен переносить мужчина, как женщина

должна себя готовить к родам, можно ли вообще алкоголь, наркотики, гедонизм? То есть это возможно?

То есть люди, которые спокойно относятся к этим факторам, могут рассуждать о русской идее? Давайте нальем хорошего вина, давайте поговорим минут сорок об урожае бургундского, а можно и не о бургундском. У нас в Крыму хорошие виноградники, на Кавказе. Давайте обо всем этом будем разговаривать, а заодно и о русской идее поговорим.

Сложно говорить об этом, и это и есть тот самый антропологический момент: с человека перестают требовать быть Человеком в его физическом измерении. Какой-то философ регулярно выпивает, но зато у него хорошие книжки. Вот мы переходим к тому, что книжки его не читает нужное количество людей, а пример, сваливаясь в запой, он подает очевидный, антропологический характер, который должен быть учтен.

Культура, символическое пространство, пространство семиотики, пространство, которое является естественным и правильным. Это поле не имеет отношения к научному сознанию, рациональному, оно иррационально, это пространство коллективного бессознательного. Как формируются эти образы? Как рождается, как вынашивается эпос? Как он живет? Как мифология пронизывает нашу жизнь? Как устроен мелодический код русский? Существует ли музыкальный код? Существует ли культурный код? Существует ли семиотический русский код? Это всё вопросы в культурном измерении, и философы, если мыслить философию как просто научную дисциплину, не дадут ответ на этот вопрос.

В чем причина? Чем отличается русский орнамент от европейского, от иранского, мусульманского, от китайского, от индийского? А в чем с ними связан? А почему есть такая невероятная связь русского орнамента с другими культурами, если взять какой-то рушник архангельский, полотенце, которое в архангельской избе висит, то индус, особенно из северных областей, из районов, близких к Гималаям, просто это полотенце, этот орнамент прочитает как текст и объяснит нам, русским, что на нашем русском полотенце нарисовано. Мы-то уже, оказывается, забыли, а они помнят. Этот орнамент, этот сюжет не имеет отношения, допустим, к иранскому полотенцу, или к турецкому, или к греческому варианту. И получается, что греческий узор намного дальше от русского, чем индийский. В церквях (это блестяще доказано историком Пыжиковым) очень много мотивов после раскола, после вот этого влияния XVII–XVIII веков, когда началось влияние греческо-константинопольского и украинского, кстати, аспекта культурного. А в русской практике и в русском орнаменте этих мотивов меньше.

Как построена русская колыбельная? Можно ли понять русскую идею без русского мелоса? Невозможно. Это будут просто какие-то рассуждения каких-то «дяденек», пусть умных, с каких-то московских или там петербургских европейских университетов, но они прочтут много европейских книжек, начиная от Канта, Гегеля и заканчивая Бартом, Бодрийяром, Дерридой и будут нам говорить о русской идее. Для меня ничего интересного они не скажут, потому что они не погружены в этот культурный и семиотический аспект, они не понимают, чем русская колыбельная отличается от европейской, тюркской колыбельной. Это пространство культуры, они не понимают, в чем характеристика русской рифмы, они не чувствуют глубины рассуждений в каком-то отношении совершенно европейского поэта, а в каком-то отношении невероятно русского мыслителя Иосифа Бродского, который говорит: «Язык есть Бог». Вот в этом пространстве непонятным образом, рационально не описываемым каким-то способом рождаются темы мелодии и так далее, которые формируют вот это самое русское пространство. Этот аспект нужно учитывать. Если потеряем связь в этом, то и все остальное потеряем.

В заключение хотелось бы сказать о социологическом измерении. Оно идет от понимания того, что русскую идею можно познать не только, рассматривая отношения русского человека с Богом, русского человека с природой, с физикой, с культурой, но и русского человека с другими русскими людьми.

В чем особенность русского социума? Нам нужно разобраться, нам нужно описать, нам нужно об этом подумать, нам нужно это прочувствовать и в конце концов прожить, потому что разбираться, писать книги, проводить философские соборы, делать спектакль, снимать фильмы, писать симфонии, строить ракеты стоит только для того, чтобы больше и глубже познать жизнь, для того, чтобы приблизиться к Богу, и в этом отношении, конечно, нам нужен другой человек.

Одной из самых известных цитат философии XX века, так же как и одним из самых известных явлений философии XX века, была фраза Сартра о том, что ад – это другой. Это действительно суперцитата, это некая скрижаль европейской культуры: ад – это другой. И от этой формулы, конечно, растет невероятно много и выросло невероятно много. Вся философия и структурализма и так далее, так далее, вплоть до объектно-ориентированной онтологии – она выводится из этой формулы: ад – это другой.

Мне кажется, что русская идея – это идея того, что рай – это другой рай. Рай познаем через другого, рай обнаруживается в процессе некой

социальной практики, так же как рай – благодать, Бог обнаруживается в молитве, физической жизни, культурной жизни, еще и в социальной. Поэтому эта четвертая область, область социального, это та самая соборность, которая и должна противостоять известной формуле Сартра.

Литургия переводится с греческого как «общее дело, община», как прообраз любой социальной организации. Семья как прообраз любой социальной организации: «Два человека, теперь вы одна плоть», – говорит Христос, обращаясь к супругам. Это невероятная идея, невероятный образ, одно тело: тело семьи, тело рода, тело города, тело посада, тело деревни, области, района.

То есть вот мышление в этих категориях, которые объединяют людей, которые позволяют людям почувствовать друг друга, не разобщить, не разделить, а собрать, поэтому русская идея не может не быть. Она неспешно будет, должна быть. Идея, которая собирает людей и эти формы, она, конечно, должна подразумевать форму собирания, формы соборности. Мы говорим «соборность», красивое слово, но, в общем-то, даже те из нас, кто может назвать себя духовным, тем не менее проводит всего несколько часов в неделю в храме. Остальное время мы ведь проводим в других местах: вагонах, офисах, на улицах, больницах, школах – и везде, во всех социальных пространствах, во всех социальных организациях, есть вот эта самая соборность. Она всегда должна существовать, мы должны себя почувствовать народом, а значит, мы должны иметь не только русский храм, который является русским. Он отличается, он семиотически отличается, у него свой узор на карнизе, у него свои колонны, у него своя техника русской иконописи и так далее.

Мы должны, значит, иметь и русскую школу, и архитектуру русской школы. Архитектура! Не только учебная программа должна отличаться. Мы должны иметь русское платье, мы должны иметь русский костюм, мы должны иметь русскую кухню, и это должно быть фактором нашего объединения. Мы должны иметь русский театр, мы должны иметь русский стадион, мы должны иметь русский праздник, мы должны иметь хоровод. И это пространство, где люди встречаются, где они живут, они переживают события жизни другого человека, они переживают рождение ребенка в семье моего соседа. Я должен это пережить, я должен пережить похороны человека, который умер в соседней семье у моего соседа. Не только моей. Образ матрешки в этом отношении прекрасен, конечно, в разговоре о социальном он необходим, он уместен и неважно, китайская игрушка или русская. Матрешка, внутри которой еще матрешка, но и эта матрешка, внутри которой матрешка, является чем-то, что внутри большей матрешки, и тогда,

тогда мы сможем нащупать русскую идею, тогда она нам явится во всей цельности, во всей полноте.

Но без этих названных мною четырех факторов разговор о русской идее может оказаться очень однобоким. Как у Козьмы Прутков в известной цитате про специалиста, который подобен флюсу. Сразу какой-то флюс вырастет, если уйдем мы слишком сильно в религию, культуру, в систему, так сказать, в моделирование, физику, природу, антропологию или социологию. Если я говорю, что в правом верхнем пространстве Эйнштейн, в левом верхнем пространстве Христос, Будда и Фрейд, в нижнем левом пространстве Чайковский, Дягилев и Юнг, то в правом нижнем пространстве, в этом четвертом секторе, Маркс и политика, и она, конечно, невероятно важна, невероятно нужна. В этом пространстве и Маркс и соборность русская, но они проявятся только тогда (имею в виду все четыре сектора), когда мы установим интегральные связи между всеми частями нашей жизни.

Таков мой взгляд на этот вопрос. Я ни в коем случае не собирался сформулировать и преподнести русскую идею, я просто хотел рассуждать о некоем базисе, о котором мы содержательно могли бы говорить, о каждом из обозначенных мною аспектов, но это, конечно, уже другой вопрос.